

Дискуссия антиреализма и реализма в современной эпистемологии

Старый спор

Спор реалистов и антиреалистов в эпистемологии идёт почти на протяжении всей истории западной философии, особенно с XVII в., времени т.н. эпистемологического поворота. Сам предмет этого спора — имеет ли познание дело с существующей независимо от него реальностью или же с продуктами собственной деятельности — можно отнести к разряду вечных философских проблем. И даже заявить о неразрешимости этой проблемы (как и других, ей подобных) и добавить, что при всей увлекательности подобных дискуссий они не имеют прямого отношения ни к жизни, ни к реальному познанию. Ведь человек будет продолжать делать то, что делал раньше: работать, растить детей, создавать новую технику, заниматься наукой безотносительно к тому, правы ли эпистемологические реалисты или их противники¹.

Я попытаюсь показать, что в действительности дело обстоит не так. Во-первых, потому, что исторически то или иное предлагавшееся решение этого спора было связано с философским обоснованием специфического отношения человека к миру. При этом философия, с одной стороны, легитимизировала тот или иной тип культуры, а с другой — была важным фактором его трансформации. Во-вторых, то или иное решение определяло программу познавательной деятельности: то, какие вопросы может ставить познание, в частности научное, какая стратегия познавательной деятельности является предпочтительной.

Сегодня этот спор приобрёл ряд новых измерений. Уже к началу XX в. стало ясно, что он касается фундаментальных оснований наук о природе и обществе. Например, от того, как понимается существование математических объектов (в рамках таких разных программ обоснования математики, как платоновский реализм, формализм или конструктивизм) зависит не только истолкование, но и принятие той или иной части математики. Эпистемологический феноменализм в лице Э.Маха ориентировал физиков на создание «феноменологических» теорий, а реализм в лице М.Планка — на предпочтение т.н. «трансцендентных» теорий. Новый материал для дискуссии реалистов и их противников возник в связи с интерпретацией квантовой механики: какова роль человека и создаваемой им приборной ситуации в процессе измерения квантово-механических состояний?

Самые острые дискуссии реалистов и антиреалистов ведутся ныне вокруг философского понимания наук о человеке: эти дисциплины привлекают особое внимание, многие мыслители связывают с их развитием цивилизацию XXI в. При этом речь идёт не просто о повторении старых аргументов в этом споре. Как развитие техники философского анализа, так и появление новых идей и подходов в специальных науках придают этому старому спору существенно новую форму и делают возможными новые оценки тех или иных предлагаемых решений.

Деконструкция, дискурсивная и нарратологическая психология, конструктивистская социология — всё это не просто философское (в данном случае антиреалистическое) истолкование существующих дисциплин, а конкретные программы работы в этих областях. Принятие такого рода установок ведёт, в частности, к отрицанию возможностей эксперимента в этих дисциплинах, возможностей предвидения и создания теорий. В итоге сторонники такого понимания гуманитарного знания последовательно приходят к отрицанию научного статуса этих дисциплин (например, с иронией говорят о научной психологии или социологии) и считают невозможным исследовать что бы то ни было, когда мы имеем дело с таким особым предметом, как человек, который сам вступает в коммуникативные отношения с тем, кто пытается его исследовать. Многие сторонники модной сегодня антиреалистической эпистемологи-

ческой установки вообще сомневаются в возможностях научного знания. В этом же пытаются убедить нас и сторонники т.н. социологического анализа научного знания в его «сильном варианте» (т.н. «эдинбургская школа»). Согласно их представлениям не только теории, создаваемые учёными, но и сами факты, с которыми они имеют дело, — не что иное, как социальные конструкции, продукт взаимодействий, борьбы за влияние, соглашений и договорённостей между разными учёными внутри той или иной исследовательской группы и между разными группами учёных. С этой точки зрения нет различия между истинными и ложными теориями, между теми из них, которые соответствуют реальности, и теми, которые ей не соответствуют, — можно говорить лишь о том, какие теории данное научное сообщество в конкретных исторических условиях в силу каких-то социальных причин принимает и какие нет.

К влиятельным антиреалистам в современной эпистемологии относятся не только представители постмодернистского деконструктивизма, но и такие известные философы, работающие в рамках аналитической философской традиции, как «ирреалист» Н.Гудмен и последователь Л.Витгенштейна М.Даммитт, ряд немецких учёных и философов, которые, исходя из идей биокибернетики, создали концепцию радикального эпистемологического конструктивизма².

Нужно признать, что идеи эпистемологического конструктивизма, социального конструкционизма и постмодернистского деконструктивизма весьма популярны сегодня у многих отечественных философов и специалистов в области гуманитарных дисциплин.

Но наряду с этим движением в современной философии и науке существует другое — не менее влиятельное. Это движение эпистемологического реализма. Часто оно сопровождается натуралистической интерпретацией познания и науки — иногда говорят о «натуралистическом повороте» в современной эпистемологии. Правда, реализм не обязательно означает натурализм, существуют и иные его разновидности. Сегодня плодотворно развиваются такие разновидности эпистемологического реализма, как метафизический реализм (в числе его сторонников многие представители аналитической философии, в

частности такие известные философы, как К.Поппер, Дж. Спрел, С.Крипке, П.Чрчленд, Ф.Дретцке, Р.Милликэн и др.), «прямой реализм» Х.Патнэма, критический реализм М.Бунге, «гипотетический реализм» ряда представителей эволюционной эпистемологии, научный реализм (ранний Х.Патнэм, Ф.Бойд и др.), референциальный реализм (Р.Харре, Я.Хэкинг и др.), конструктивный реализм (Г.Ленк и др.)³. К реалистическим относятся такие влиятельные в современной эпистемологии концепции, как экстернализм (Х.Патнэм и др.) и реляйэбилизм (А.Голдмен и др.).

Сторонники современного эпистемологического реализма опираются на интерпретацию научного знания, а также на философское осмысление бурно развивающихся в последние 30 лет когнитивных наук: когнитивная психология, исследования в области искусственного интеллекта, когнитивная лингвистика, когнитивные нейронауки, эволюционная эпистемология и др.

В данной статье я попытаюсь привести аргументы в пользу эпистемологического реализма, при этом той его версии, которую можно назвать конструктивным реализмом и которая с моей точки зрения в определенном отношении снимает жесткое противостояние конструктивизма и натуралистического реализма. Я попытаюсь показать, что позиция реализма вообще, а конструктивного реализма в особенности, не только лучше других эпистемологических концепций интерпретирует факты познания — как обыденного, так и научного, — но и задает такую стратегию развития познавательной деятельности, которая плодотворнее той, на которую ориентирует эпистемологический антиреализм. Учитывая размеры статьи, я ограничусь только самыми общими аргументами, не вдаваясь в детали и не разбирая подробно разные существующие концепции, хотя это было бы в высшей степени поучительно.

Мысль о том, что познающий человек имеет дело с существующей независимо от него реальностью, с бытием — исходная предпосылка философствования как в античности, так и в Сред-

ние Века. Отличие знания от эпистемической (нерелигиозной) веры состоит в том, что знание может быть только истинным, т.е. соответствовать тому, что есть на самом деле, в то время, как вера может быть как истинной, так и ложной. Для того, чтобы понять, что есть знание, нужно исходить из теории бытия — метафизики, или онтологии в более позднем наименовании. Метафизика и есть первая философия, а теория познания производна и зависима от теории бытия. Подобная реалистическая эпистемологическая установка сопровождалась определёнными предписаниями о том, что можно и чего нельзя делать в научном исследовании. Правильное постижение того, что существует, осуществимо только в том случае, если человек не вмешивается в изучаемое явление, а описывает его таким, каково оно есть. Иными словами, эксперимент как средство изучения реальности с этой точки зрения невозможен. Ведь в эксперименте человек пытается «перехитрить» природу, поставить естественные явления в сконструированные им неестественные условия. В действительности согласно этой позиции «естественное» и «искусственное» несовместимы друг с другом. Техническая деятельность, создающая мир искусственных предметов, рассматривается как не имеющая отношения к познанию, а с точки зрения ценностной ставится не очень высоко — в отличие от деятельности теоретика: теория в переводе с греческого и означает «созерцание» того, что есть на самом деле.

В основе цивилизации Нового Времени лежит иная система установок, задающих отношение человека к природе, к самому себе и себе подобным, которая является весьма специфичной и не существовала ранее в истории. Речь идёт о понимании природы и вообще всего естественно данного как простого ресурса человеческой деятельности, как некоторого пластичного материала, в принципе допускающего возможность безграничного человеческого вмешательства, переделки и преобразования в интересах человека, который как бы противостоит природным процессам, регулируя и контролируя их. Снимается противопоставление «естественного» и «искусственного»: природа выступает как гигантский механизм, выявить скрытые пружины которого можно только путём его разборки. Познание теперь понимается уже не как описание того, что дано

в опыте, а как вмешательство в природные процессы с целью выявить «под пыткой» их тайну и как создание того, что сама природа создать не может. Факты не столько описываются с помощью эксперимента, сколько препарированы и конструируются в нём. Познание понимается в рамках проективно-конструктивного отношения к миру.

Иначе, чем во времена античности, понимается и строится научная теория как высшая форма познавательного отношения к миру. Теоретическое мышление осуществляется в форме особого рода деятельности теоретика со специфическими объектами — объектами теоретическими. Научная теория как бы содержит в потенции производство эмпирических феноменов в реальном эксперименте, а последний не что иное, как вид технической конструктивной деятельности.

В этой связи получает распространение мысль о том, что если знание сущности вещи предполагает знание её ближайшей причины (идея, идущая от Аристотеля), то человек имеет наиболее адекватное знание лишь о том, что он создал собственными действиями.

Но поскольку предмет, созданный человеком, включается в цепь природных взаимодействий, независимых от человека, постольку возможности контроля за тем, что происходит с продуктами человеческой деятельности, ограничены. А значит, ограничено и знание об этих предметах. Самое адекватное знание человек может иметь только о состояниях собственного сознания и о том, что сознание производит. Возможность иметь знание о внешней сознанию реальности — включая природные события и процессы, бытие других людей и даже бытие собственного тела — становится проблематичной. Проблематичным оказывается даже само существование бытия. Декартовское «открытие сознания» как центра не только познавательной деятельности, но и в известном смысле самого бытия определило развитие западной философии на несколько столетий и вместе с тем повлияло на европейскую науку.

Отношение европейской науки и эпистемологии на протяжении трёх столетий было не простым. С одной стороны, наука не могла не исходить из того, что она имеет дело с изучением существующей независимо от познания реальности. Это как

бы «трансцендентальное условие возможности научного исследования», возможности проведения эксперимента, результат которого не предрешён, возможности опробования предлагаемых гипотез с точки зрения их предсказательной силы. В этой связи успешно развивавшаяся наука не могла серьёзно относиться к тезису о том, что познаваемая реальность в действительности является конструкцией сознания либо из ощущений (феноменалистский эмпиризм Дж. Беркли, Д.Юма, Э.Маха), либо чувственных данных (ранний Б.Рассел, логический эмпиризм), либо из набора априорных категорий (И.Кант, неокантианцы). Все эти идеи могли казаться философскими умствованиями, не имеющими отношения к тому, что на самом деле происходит в познании вообще и в научном познании в частности и в особенности.

Однако ряд серьёзных событий, случившихся в науке сначала в конце XIX и начале XX столетия, а затем в конце XX в., заставил многих мыслящих учёных изменить отношение к философскому анализу познания.

Начну с событий на рубеже XIX и XX столетий. В это время произошла революция в физике. То, что считалось на протяжении нескольких столетий убедительно обоснованным знанием — механическая картина мира — обнаружило свою несостоятельность, а сфера применения конкретных теорий, исходивших из механической картины мира, оказалась безграничной. В этой связи остро встал вопрос об обосновании системы научного знания, о нахождении некоего незыблемого фундамента, которому не угрожал бы пересмотр. Философия эмпиризма с её идеей о том, что в основе знания лежит чувственный опыт, который может быть понят как продукт взаимоотношений элементарных единиц — ощущений, чувственных данных — оказалась востребованной. Известный физик и философ-сенсуалист Э.Мах предложил своё понимание знания, согласно которому оно является не постижением реальности, существующей независимо от него, а простым описанием отношений между ощущениями, и на основании этой эпистемологической концепции сделал ряд методологических рекомендаций. Если познание вообще, научное познание в частности — это нечто иное, как экономное описание опыта, то чем эконо-

номнее это описание, тем лучше. Поэтому в физике нужно предпочитать такие теории, которые не предполагают существования объектов за пределами опыта. Это т.н. феноменологические теории, к числу которых относится классическая термодинамика. А вот предположения о реальности молекул, как это имеет место в молекулярно-кинетической теории тепла или тем более атомов, — это по Э.Маху не что иное, как выражение донаучного способа мышления. Вообще согласно этим представлениям деление мира на явление и сущность, на реальное и иллюзорное является пережитком, чем-то вроде первобытного анимизма. Нужно сказать, что идеи Э.Маха повлияли на развитие физики в XX в., в частности на становление специальной теории относительности, как это признавал её автор А.Эйнштейн.

Психология, имеющая дело с человеческим сознанием, с субъективной сферой, тем более не могла не учитывать понимания сознания, характерное для классической линии развития европейской эпистемологии. Психология, сделавшись самостоятельной наукой, пыталась подражать естествознанию. С этой целью она стала практиковать эксперимент. Последний предполагает, что объект экспериментирования и всё, что с ним происходит, существует объективно-реально. Но в результате психологического эксперимента возникают образования совершенно особого рода — субъективные переживания, состояния сознания. Психология понимала их в соответствии с установками классической новоевропейской эпистемологии — как непосредственно данные, замкнутые на себя и безошибочно постигаемые в актах интроспекции. Но совместить такого рода специфическую субъективную реальность с тем, что происходит в объективной реальности, включая тело самого субъекта, было невозможно. Мост между субъективным миром и миром объективным при таком понимании не существует. Оставалось либо признать тезисы эмпиристского феноменализма, как это сделал Э.Мах, который занимался не только физикой, но и психологией, либо предложить что-то вроде неубедительной теории иероглифов Г.Гельмгольца или не более впечатляющей теории специфических энергий органов чувств И.Мюллера.

Мысль о том, что научная теория может и должна быть понята не как знание о реальности, лежащей за опытом и в его основе, а как своеобразное описание опыта, как некоторый инструмент для предсказания новых фактов, стала весьма популярной не только в эпистемологии XX в., но и среди многих учёных, заинтересованных в проблемах методологии науки. Среди таких методологических концепций весьма влиятельной не только среди физиков, но и у психологов, социологов и представителей ряда других наук, был в течение нескольких десятилетий прошедшего века операционализм. Эта концепция была разработана известным физиком-экспериментатором П.Бриджменом. Её основная идея состояла в том, что можно и нужно представить все осмысленные научные понятия как сводящиеся к фиксации соответствующих экспериментальных, прежде всего измерительных, операций⁴. Концепция операционализма — это не просто воскрешение философского сенсуализма. В отличие от Э.Маха или Дж. Беркли П.Бриджмен исходит из реального существования измерительных приборов и другой физической аппаратуры, не говоря уже о самих учёных. Смысл понятий (любых — как обыденных, так и научных) — это, по Бриджмену, совокупность некоторых операций. Теории — установление связей между так интерпретированными понятиями. Никакой реальности помимо действий исследователя согласно этим представлениям не существует. Каждой совокупности операций измерения соответствует своё отдельное понятие. Поэтому, например, в зависимости от того, измеряем ли мы длину предмета с помощью прикладывания к нему какого-то иного предмета, принятого за единицу измерения, например линейки, или же с помощью фиксации времени прохождения луча света от одного конца измеряемого предмета до другого, мы будем иметь два разных понятия длины, так как процедуры измерения были разными. Однако обсуждение операционалистской методологии в 50-е гг. прошлого столетия показало, что в действительности теоретические понятия имеют «открытый» характер в отношении процедур установления их связи с опытом, в том числе и с процедурами опытного измерения, т.е. их содержание не задаётся «снизу», совокупностью экспериментальных операций, а определяется «сверху», при-

нятой системой онтологических допущений относительно исследуемой реальности. В конце XX в. операционализм потерял почти всех своих сторонников среди учёных, так же, как и махизм с его установкой на феноменологическое описание в противовес «субстанциональному» объяснению.

Между тем во второй половине XX столетия появились новые аргументы в защиту антиреалистического понимания познания, знания, теоретического знания.

Эти аргументы были связаны не только с некоторыми общими философскими соображениями, но также и с определённым истолкованием фактов истории научного знания. На развитие конструктивистской установки в эпистемологии вообще и в таком её разделе, как философия науки, существенное влияние оказала теория Т.Куна о существовании научных парадигм и о их смене в результате научных революций, теория, разработанная на основе изучения большого материала истории физики за последние несколько столетий⁵. Куну казалось, что он убедительно показал следующее: происходящая в истории науки радикальная смена парадигм, картин мира, общих онтологических предпосылок, не говоря уже об отдельных теориях, свидетельствует о том, что теоретическое знание не может рассматриваться как постижение реальности. Однако, если бы Кун ограничился защитой только этого тезиса, его позиция не отличалась бы принципиально от эпистемологического инструментализма. В действительности он утверждал нечто большее: не только теории, но и факты, данные наблюдения не являются чем-то инвариантным, они меняются в зависимости от того, в рамках какой парадигмы и какой теории они получены. Они «теоретически нагружены». В познании нет ничего «данного», как считали феноменалисты, эмпирики, инструменталисты и операционалисты. Всё в нем сконструировано (как подчёркивали некоторые последователи Куна, всё «социально сконструировано»). Ряд философов дали более общее обоснование тезису Куна, и мысль о том, что познание имеет дело только с результатами собственных конструкций, что о реальности бессмысленно говорить, а от понятия истины лучше либо вообще отказаться, либо истолковать его в качестве некоего условного оборота речи, в некоторых кругах рассматривается сегодня в качестве чего-то само собою разумеющегося.